

Мистика как культурная традиция

Мистическая духовная традиция — древний и ценнейший пласт культуры. Невозможно представить себе изначальное восхождение к знанию без тайноведения, античную культуру — без мистерий, средневековые — без гностической эзотерики. Но эта традиция не является только архаической, она вплетена в ткань человеческой культуры, сопровождая ее от истоков до наших дней.

Однако мистический ареал культуры изучен слабо. Несмотря на усилия таких мыслителей, как Я. Беме, Э. Сведенборг, Р. Штейнер, философские интуиции Н. Бердяева, У. Джеймса, Вл. Соловьева, многие грани этой традиции остаются неизведанными. В соответствии с господствующей на Западе установкой более основательно изучается рациональный опыт, хотя потребность в феноменологии мистической зоны культуры осознается в европейском менталитете все острее.

Мистика и философия

Как можно определить мистическую духовную традицию? В европейской философии укоренен взгляд, согласно которому религия и особенно мистика недоступны рациональному познанию. Нередко господствуют тривиальные истолкования типа: «мистика — опиум сознания». Мистика зачастую вообще противопоставляется науке и философии как феномен, не имеющий прочных корней и исторической перспективы.

Европейские исследователи часто проводят различие между философией и мистикой: Если философия при этом оценивается как универсальное, всеохватное сознание, то мистика воспринимается нередко как сугубо индивидуальное, хотя и распространенное переживание. Подчеркивается, что философия, в отличие от мистики, располагает огромным интеллектуальным потенциалом, ментальной изощренностью. Мистика же вообще не апеллирует к разуму, поскольку имеет дело с явлениями чувственного мира. Мистицизм, т. е. истолкование мистики, хотя и использует рассудочную форму, отнюдь не выступает во всеоружии интеллекта.

В европейской культурной традиции от Платона до К. Поппера философия трактуется нередко как некая высшая форма сознания. Мистика же воспринимается как партикулярный духовный феномен, имеющий крайне узкую сферу бытования.

Разумеется, такое противопоставление философии и мистики прослеживается в европейской культуре не всегда. Средневековые были временем возрождения античной мистики, что, разумеется, сказывалось и на оценке данного феномена. Тертуллиан и Беме были далеки от негативной оценки интуитивно-созерцательной формы постижения реальности. В период романтизма конца XVIII — начала XIX века мистический опыт вообще оценивался как ценнейшее достояние.

Гуревич П. С. — доктор философских наук, профессор, заведующий лабораторией Института философии РАН,

Русские религиозные мыслители XIX и начала XX века признавали за мистикой высокий духовный статус.

В рассуждениях православных философов мистика — отнюдь не свод наивных иллюзий, слепых верований, помутнений души. Для них это древняя и глубокая духовная традиция. Рассматривая культуру как совокупный духовный опыт человечества, они видели в этой сокровищнице достояние, восходящее к специфически человеческому. Без труда различали русские философы в культуре разных эпох просветление разума и чудо, веру и знание, прагматизм и романтику, рассудочность и интуицию, упорядоченность духа и экстаз, аскетизм и чувственность...

Люди верят в существование иных миров. Истоиво собирают сведения о гуманоидах и супербогах из космических цивилизаций. В мистических трактатах они пытаются отыскать древнее утраченное знание, в мантре — возможность слиться с Духом. Кое-кто побаивается всесильного дурного глаза. Многие надеются на внезапное и исступленное богообщение. Кому-то ужасно хочется набросить на себя желтое сари и поставить чудодейственную точку над переносицей.

Что же такое мистика? Термин «мистический» часто употребляется в смысле, тождественном, по существу, термину «религиозный». Однако между мистикой и религией существует различие, которое в культурологическом смысле можно считать принципиальным. Осознать это несовпадение двух феноменов можно, если попытаться описать состояние человека, охваченного религиозным или мистическим переживанием.

Написанная в самом начале нашего века книга известного американского философа У. Джеймса «Многообразие религиозного опыта» (первое русское издание — М., 1910; последнее — М., 1993) претендует на всепроникающее постижение феномена религии. По существу, это своеобразная энциклопедия мистических переживаний, свод исповедей святых и пророков, размышление над интуитивными прозрениями, к которым автор относится с предельным вниманием и исследовательской пытливостью.

Джеймс отвергает бесстрастное, умозрительное, чисто интеллектуальное истолкование религии. Он видит в ней живое, трепетное чувство, невыразимые и многообразные роптания души. И вместе с тем хочет понять, как соотносится религия с самой жизнью, с ее практическими установками.

Столетие только начинается. Философы все еще говорят о неостановимом процессе секуляризации, едва ли не все крупные ученые предшествующего века, кроме некоторых русских философов, убеждены, что наука вытеснит религию. Рождается утилитарное позитивистское миропознание. Религиозный ренессанс кажется немислимим. В моде рационализм, высокомерно претендующий на разгадку всех секретов бытия. На этом рассудочном фоне Джеймс пытается обмирщить философию, т. е. приблизить ее к глубинным, сокровенным переживаниям конкретного человека, святого или грешника.

Основные идеи автора кажутся подчас пророческими, по крайней мере опережающими время. Джеймс еще ничего не знает о двух мистических волнах, которые захлестнут мир в грядущем столетии. Раскрывая психологические предпосылки религии, Джеймс упоминает психоанализ. Однако это учение к тому времени еще не выявило свой богатейший потенциал, да и Джеймс, стремясь проникнуть в глубь сублиминального сознания (подсознательного), еще далек от того, чтобы вооружиться психоаналитическим методом.

Зато Джеймс ясно формулирует гипотезу, согласно которой разумное сознание — лишь одна из форм освоения мира. Несомненно, существуют и другие, они отделены от интеллекта тонкой перегородкой. Сегодня мы называем эти иные «готовые и определенные формы духовной жизни» измененными типами сознания, т. е. мистикой. Без них, по мнению Джеймса, представление о мире не может быть полным. Более того, как показывает философ, нельзя непогрешимо судить о всех сферах реальности только с позиции разума.

Итак, дистанция между Джеймсом и современностью — почти столетие. Но было бы неосмотрительно, зная о новых исследовательских подходах и

открытиях, полагать, будто он интересен только историкам философии. Парадокс, но за эти десятилетия никто из ученых не представил более основательной феноменологии мистики. Затрагивая интимные стороны человеческого духовного опыта, Джеймс ведет нас по лабиринтам духа.

Мистический опыт

Книга Джеймса до сих пор остается непревзойденной по проникновению в тайны мистического опыта. Попытка выявить признаки мистики, к сожалению, не получила в последующей традиции столь глубокого подхода. Слово «мистика» (от греч.— «таинственный») родилось, как считают специалисты, от глагола «мыин», который означал «закрывать глаза и рот». Вероятно, первоначальный смысл был связан с обетом хранить молчание, быть посвященным в мистерии — тайные культы, которые представляли собой пережитки древней религии поклонения Матери-Земле. Они сохранялись в гомеровскую и более поздние эпохи. Во времена классической Греции была тайна, которая скрывалась от посторонних, называлась «мистикой».

Суть мистического мироощущения сводится в общем к представлению о двойственности мира. За привычным, каждодневным угадывается иное бытие. Стремление вступить в прямой контакт со сверхъестественным и составляет по существу психологическую основу мистики. В этом смысле мистика древнее христианской религии. Она составляет базу почти всех без исключения религий. Все вероисповедания во все времена несли в себе мистическое начало.

Однако было бы ошибкой поставить знак равенства между религией и мистикой. Мистика имеет и более узкий смысл. В толковании Джеймса под мистикой подразумевается такой тип религии, который подчеркивает непосредственное общение с Богом, интимное сознание божественного присутствия. Мистика — это религия в ее наиболее напряженной и живой стадии. Аналогичной точки зрения придерживался позже и немецкий социолог М. Вебер.

Джеймс выделил четыре главных характерных признака, которые служат критерием для различения мистических переживаний.

Первый из них — *неизреченность*. Иначе говоря, человек, прошедший через мистический опыт, будь это неожиданное обретение знания, как у средневекового мистика Беме, или исповеди людей после клинической смерти, не может изложить собственные ощущения и полученные впечатления на обычном языке.

О неизреченности как признаке мистического опыта писал и Р. Штейнер: преображенная личность, т. е. та, которая обрела мистический опыт, «не находит достаточно высоких слов для выражения значительности своих переживаний»¹. По мнению Штейнера, личность, которая соприкоснулась с трансцендентальным миром, оказывается для самой себя как бы прошедшей через смерть и пробудившейся к новой жизни. Для такой личности понятно, что никто, не переживший того же, не в состоянии правильно понять ее слов. Так было, в частности, в древних мистериях. Эта «тайная» религия избранных существовала наряду с религией народной. Никто из тех, кто приобщался к эзотерическому опыту, не имел права разглашать обретенное. Известно, что греческого драматурга Эсхила обвинили в том, что он перенес на сцену кое-что из того, что узнал из мистерий. Эсхил бежал к алтарю Диониса, чтобы спасти жизнь. Разбирательство показало, что он не был посвященным и, следовательно, не выдавал никаких тайн.

Штейнер в своих работах подробно описывает тайный смысл мистерий как феноменов культуры. Он ссылается, в частности, на Плутарха, который писал о страхе, испытываемом посвященным. Древнегреческий историк сравнивал это состояние с приготовлением к смерти. Посвящению предшествовал особый образ жизни, призванный привести чувственность под власть духа. Посвящаемый вводился в жизнь духа. Ему предстояло созерцание высшего мира.

¹ Штейнер Р. Христианство как мистический факт и мистерии древности. М., 1993, с. 11.

Мистический опыт невыразим. В человеке есть нечто, что вначале препятствует ему видеть духовными очами. Когда посвященные вспоминают, как они проходили через опыт мистерий, они ссылаются именно на эти трудности. Штейнер указывает на древнегреческого философа-киника, который повествует, как он отправился в Вавилон для того, чтобы последователи Зороастра провели его в ад и обратно. Он рассказывает, что в своих странствиях переплывал через великие воды, проходил огонь и льды.

Мисты, т. е. люди, прошедшие через мистический опыт, рассказывали о том, что их устрашали обнаженным мечом, с которого струилась кровь. Однако непосвященным трудно понять реальность того, про что говорится. Мистический опыт неадекватен земному. Эти рассказы понятны, когда человеку известны этапы на пути от низшего познания к высшему.

Признак мистического опыта, на который ссылаются Джеймс и Штейнер, на самом деле может характеризовать духовную практику такого рода. Однако является ли он сущностным? Можно ли через него выразить феномен мистики? По моему мнению, неизреченность не передает глубины данного феномена. Мистический опыт трудно воспроизводим не потому, что он эмоционален по природе и чужд интеллекту. Нередко мистические видения по своему характеру как бы имитируют работу мысли. Например, сапожник Беме, будучи малограмотным, не зная никаких иностранных языков, тем не менее изложил обретенную им в галлюцинаторном опыте картину мироздания. Она даже получила у него своеобразное доктринальное обоснование, иначе говоря, в описании реальности возникли определенные доказательства, что мир устроен именно так, как он был воспринят в мистическом опыте. Разве в этом случае можно говорить о показаниях чувств, а не интеллекта?

Неизреченность как признак мистического опыта связана прежде всего с тем, что сам этот опыт не имеет конкретных аналогов в земной жизни. Специфика мистических переживаний иная, нежели обычные повседневные впечатления бытия. В них нет различия эмоционального и рационального, ибо это целостный, универсальный опыт. Тот, кто не обрел мистического опыта, остается невосприимчивым к нему, ибо это — нечто принципиально иное...

Второй признак мистического опыта — *интуитивность*. Джеймс подчеркивает, что хотя это состояние относится к сфере чувств, оно тем не менее является особой формой познания. Человек проникает в глубины истины, не доступные рассудку. Это своего рода откровения, моменты внутреннего просветления. Разумеется, мистический опыт по самой своей природе сопряжен с интуицией. Однако можно ли этот признак считать базовым? Ведь интуиция сопровождает и научное творчество.

Трудно оспаривать тот непреложный факт, что интуиция — благословенный человеческий дар. Однако в традиционной теории познания о ней вспоминают, как правило, когда разум сталкивается с трудностями, возникают паузы в процессе продвижения к истине. Тогда интуиция оказывается востребованной. Подспудная работа сознания начинает плодоносить. Так разум берет на вооружение тончайшие механизмы бессознательного творчества, внезапного озарения.

Известно, что многие научные открытия совершаются самым непредвиденным образом. Рефлексивное мышление действительно тесно связано с творческим порывом. Научное напряжение в чем-то сродни художественному. Б. Рассел утверждал, что А. Эйнштейн при открытии теории относительности начал с поэтического проникновения в истину. Немецкий химик А. Кекуле пришел к идее бензольного кольца, потому что ему приснились извивающиеся змеи, одна из которых неожиданно схватила себя за хвост...

Что же следует из этих примеров? Без интуиции не может быть человеческого искания истины... Но какова ее собственная роль в обостренном сознании реальности? Выходит, она годится только как подпорка? Не будь разума, она явилась бы слепым поводырем. Интуиция, стало быть, дополняет интеллект, но при этом не может соперничать с ним в постижении мира. Как самостоятельное средство

познания интуиция не обладает важнейшими свойствами, которыми можно характеризовать интеллект.

Джеймс много размышляет об интуиции не только в связи с мистическим опытом. Он замечает, что она идет вразрез с умозаключениями рассудка. Однако сочетание интуиции и разума могло создать такие великие мировые учения, как буддийская и католическая философии. По мнению Джеймса, непосредственное, интуитивное убеждение таится в глубине нашего духа, а логические аргументы — только поверхностное проявление его... В трансе возможны настоящие метафизические откровения.

Интуитивное познание сродни мистическому опыту. В то же время мистика невозможна без интуиции, на чем собственно и настаивает Джеймс. Она приоткрывает некую реальность, которая предстает в своей целостности и неразделимости. Интуиция лишь кажется фрагментарной, на самом деле она всеохватна и всепроникающа. Вот почему в наивном, дофилософском сознании есть здоровый реализм, универсальное чувство бытия, которое в известной мере было рассечено и умерщвлено развитием рационализма.

Интуиция — базисный природный дар человека. Фантазируя, предвосхищая события, он как бы реализует собственную природу. Именно так трактовал эту проблему, к примеру, известный философ и антрополог А. Гелен. Для человека; по его мнению, важен не только реальный жизненный опыт, но и опыт возможно-го, представимого через фантазию. Поэтому Гелен рассматривал человека как фантазирующее существо; способное войти в реальность через интуицию.

Именно специалисты в области философской антропологии пытались понять, не потускнел ли присущий нам дар воображения? Не потеряли ли мы драгоценное качество — умение мечтать? Куда делись фантазеры, создатели воздушных замков? Почему наша повседневность утратила поэтическое измерение? Даже наши сны стали будничными, тревожными, унылодостоверными. А помнится, Платону приснился лебедь, опустившийся на его грудь...

Может быть, именно аналитическая традиция приглушила фундаментальные интуитивные способности человека? В мистическом опыте эти задатки развивались с предельным напряжением. Мистическое погружение в себя, по мнению Бердяева, есть всегда выход из себя, прорыв за грани. Мистика всегда учит, что глубь человека более чем человеческая, в ней кроется таинственная связь с Богом и миром. «В мистике есть духовное дерзновение и почин внутреннего человека, глубочайших глубин духа».

Проблема соотношения интуиции и разума широко обсуждается в современной философии. Много пишут, например, о сопоставлении науки и искусства, интеллекта и творчества. О чем идет речь? Разум не может претендовать на абсолютную истину, но тем не менее результаты его деятельности объективны, тогда как интуиция предельно субъективна.

Наука, как полагают, строится на объективных и воспроизводимых фактах, строгих доказательствах. Классическое научное мышление пытается освободиться от ценностного подхода. Аналитическое сознание вбирает в себя многоликий жизненный опыт. Оно всегда открыто для уточнений. Результаты теоретических изысканий не зависят от диктата личности. Интуиция же не подлежит коррекции, она захватывает крайне незначительный сектор человеческой субъективности.

Однако можно ли абсолютизировать эти опознавательные знаки? В научном творчестве многое сопряжено с личностью ученого. Порой теоретические догадки столь индивидуальны, внезапны, точно рождается художественное произведение. Внутриатомная константа — плод гениального творческого воображения М. Планка — через два десятилетия оказалась поразительным связующим звеном между волновой и корпускулярной картинами мира, которые взаимно исключали друг друга. Именно так оценивал французский академик Р. Латарже открытие в

² Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989, с. 499.

20-х годах так называемых «соотношений неопределенности» В. Гейзенберга и принципа дополнительности Н. Бора. Он писал, что через полтысячелетия работу Планка можно будет читать с тем же восхищением, с каким сегодня мы рассматриваем скульптуры Микельанджело в усыпальнице Медичи...

Выходит, великие творения науки и искусства в чем-то сходны? Однако, согласно современным взглядам, между ними остается существенное различие. Научное творчество выстраивается по непреложной логике собственного развития. Открытие, подготовленное теоретическим прогрессом, по существу, ждет своего автора. Не родился, к примеру, И. Ньютон, разве его законы не вошли бы в современную физику? Безусловно, они были бы открыты, но сопряжены с другими именами.

Но если бы не Моцарт, разве другие композиторы создали бы моцартовский «Дон-Жуан»? Вероятно, они сотворили бы совсем иной художественный мир... Что же происходит в акте творческого озарения? Одни исследователи говорят о роли интуиции, эмоций. Другие отдают приоритет строгой мысли. Одни призывают к фантазии и выдумке, другие, напротив, прокламируют только устремленность к истине. Кто-то настаивает на свободе самовыражения, на самоотрешенности и творческих муках. Кто-то, напротив, предостерегает от спонтанных усилий и толкует об интеллектуальной самодисциплине.

Итак, никто не склонен принижать достоинство интуиции. Ей воздают должное, но только в определенных пределах, когда она выверена разумом. Однако интуиция вовсе не является чем-то второразрядным по сравнению с познающим разумом. Она служит вполне самостоятельным и самодостаточным средством мировосприятия. Более того, древний гнозис, как можно полагать, вообще базировался не столько на аналитическом размышлении, экспериментальном методе, сколько на созерцательном, всеохватном и интуитивном постижении реальности.

Джеймс указывает также на два других признака (кроме неизреченности и интуитивности) мистического опыта, которые, по его мнению, нельзя рассматривать как базовые. Они менее значительны, чем первые, хотя и часто встречаются. Один из них — *кратковременность*, характерная для мистических состояний. После их исчезновения трудно воспроизвести в памяти их свойства. Однако после многочисленных возвращений они способны обогатить душу.

Мистические переживания — это как бы кратковременный рейд в иное бытие. Оно не может продолжаться слишком долго. Однако Джеймс проходит мимо другого, не менее значимого, как мне кажется, признака мистического опыта. Дело в том, что время внутри экстатических переживаний вообще протекает иначе. Оно не соотносится с земным, посюсторонним, физическим временем.

Мистический опыт динамичен, насыщен, скоротечен. Иногда впечатления, которые захватывают человека, представляются длительными. Внутри души переживается много неожиданных событий, кажется, будто протекла целая жизнь. Однако весь этот процесс может длиться всего 2—3 минуты. Люди, прошедшие через клиническую смерть, в своих исповедях воспроизводят множество разных эпизодов, в которые они были погружены. В подлунном мире это растянулось бы на огромный срок. Но в том-то и свойство мистического опыта, что он демонстрирует иное протекание времени, более насыщенное и динамичное.

Четвертый признак мистического опыта, по Джеймсу, *бездеятельность воли*. Мистик начинает ощущать свою волю как бы парализованной или даже находящейся во власти какой-то высшей силы. Обладает ли мистическое переживание этим свойством? Возможно, хотя сам же философ подчеркивает, что проникнуть в мистический экстаз иногда можно только через волевое напряжение. В современных экспертизах встречаются факты, когда человек, захваченный мистическим опытом, демонстрирует волевые импульсы. Например, усопший хочет вернуться к жизни, и Светоносное существо отпускает его...

Названные Джеймсом признаки мистического опыта, как мне кажется, не столько демонстрируют его природу, сколько эмпирически описывают его для тех,

кто не погружен в данное состояние. Впрочем, философ и сам отмечает, что он пытается понять религиозные феномены не изнутри, а с точки зрения человеческих потребностей, многообразия жизненного опыта. Однако он справедливо замечает: истина мистического характера существует только для тех, кто находится в экстазе. Она непостижима ни для кого другого.

Мистика как феномен

Мистика сейчас в моде. Однако современный человек, зачарованный успехами науки, нередко с подозрением относится к интуитивным формам постижения реальности. Между тем в определенном смысле древние знали гораздо больше, чем мы. В этом одно из поразительных открытий современного сознания. Физики, создающие картину мироздания, обнаруживают контуры своих теорий в индийской и буддийской тантре. Химики высказывают предположение, что их наука — ответвление утраченной алхимической символики. Биологи констатируют известную исстари мистикам способность мельчайшей клетки воспроизводить целостность живого существа. Реаниматологи читают как некое пособие тибетскую «Книгу мертвых», написанную двенадцать веков назад. Психологи, разъясняющие природу фантомов сознания, обращаются к шаманизму. Культурологи озадачены потрясающими провозвестиями, заключенными в текстах далекой старины. Астрологи предвещают события...

Культура, судя по всему, вовсе не развивается как единый процесс, напоминающий заполнение резервуара. В ее течении бывают утраты, зоны забвения. Но возникают и возвраты, дальние отклики, диалоги былого и актуального. Мистика обладает несомненным прогностическим потенциалом. Она является специфическим, но полноценным типом знания. В ней скрыты мощные обновленческие тенденции культуры.

Мистик полагает, что приобщиться к тайнам Вселенной можно не только путем размышления, эксперимента, анализа, но и посредством интуиции. Но мистики опирались не только на интуицию. На протяжении веков они вели тонкую и своеобразную работу с человеческой психикой. Опыт медитации, т. е. предельного духовного сосредоточения, многодневных постов, умерщвления плоти, рождал, разумеется, какие-то толчки мысли, позволял приобщаться к тайнам мироздания.

Между наукой и мистикой существуют многомерные связи. Именно в мистике родилась идея всеохватности, универсальности, цельности мира. Но разве наука исходит не из тех же предпосылок? Оказывается, нет, во всяком случае не всегда. Были эпохи, когда мистика дополняла науку, но, избавившись от смутного интуитивного постижения бытия, наука кое-что утратила. Она стала теснить интуицию, дробить познание.

Великие мистики средневековья Беме, Парацельс, И. М. Экхарт обладали огромным гностическим даром. Это подчеркивает Н. Бердяев: «Ведь должно признать, что истина может открываться через искусство Данте и Достоевского или через гностическую мистику Якова Бема в гораздо большей степени, чем через Когена или Гуссерля»³.

Самая сильная сторона большей части оккультных учений — представление о космичности человека. Только мистики хорошо понимали, что все происходящее в человеке имеет мировое значение и отпечатывается на космосе. Знали они также, что душевные стихии человека космичны, что в человеке можно открыть все наслоения мира. Например, гнев для мистика — не только стихия человеческой души, но и стихия космоса. Астрология, как подметил Бердяев, угадала неразрывную связь человека с космосом и тем прорвалась к истине, скрытой от науки о человеке, не знающей неба, и от науки о небе, не знающей человека...

³ Бердяев Н. А. Указ. соч., с. 271—272.

Проблема приобретает совсем иное освещение, если мы поставим вопрос конкретно: является ли мистический опыт чисто субъективным феноменом или за ним стоит некая реальность? Мистические учения дают развернутую картину мира. Они описывают Вселенную, ее различные ярусы, раскрывают тайны психики, предлагают способы исцеления, толкуют о строении духа. Причем многие представления о мире и человеке в различных мистических учениях совпадают.

Возникает вопрос: откуда взялось это «тайное знание»? Является ли оно плодом досужего ума, фантазии и вымысла или отражает некую реальность, остов иного бытия? Русские философы — Бердяев, Вл. Соловьев, К. Леонтьев — полагали, что было бы абсолютным упрощением видеть в мистике сплошную фантазмагорию. Напротив, они усматривали в этом феномене древнюю форму универсального постижения бытия.

Бердяев считал, что великий русский философ Соловьев был мистически одаренным. И в самом деле, в творчестве этого мудреца мы находим множество поразительных мистических прозрений. Соловьев, в частности, был убежден в том, что первый, древнейший, период человеческой истории воплощал в себе слитность, необособленность всех сфер общечеловеческой жизни. Неразрывны были теология, философия и наука, мистика, изящное и техническое искусство. Жрецы, философы, ученые находились в то время в непосредственном мистическом общении с высшими силами бытия*.

Действительно, невозможно отделить древнейшую живопись от ваяния и даже зодчества (например на египетских памятниках). Трудно проследить различие между теологией, философией и наукой. Мистика, изящное и техническое искусство рождаются единым мистическим порывом, представляют собой единое религиозное целое. Эта слитность была разрушена рождением рационалистической традиции в античной философии и полностью утрачена с появлением христианства.

По мнению Соловьева, истинная, цельная красота может находиться только в мире сверхприродном и сверхчеловеческом. Мистика, стало быть, в его истолковании — творческое отношение к этому запредельному миру. Вот почему он определял мистику как «верховное начало жизни общечеловеческого организма»⁵ и объявлял, что в мистике жизнь находится в непосредственной, теснейшей связи с действительностью абсолютного первоначала, с жизнью божественной...

Откуда же в людях столь стойкое и трудноутолимое влечение к откровению и экстазу? Отчего, заглядывая в себя, каждый может обнаружить в душе глубинную потребность в таинстве? Мистика — этот древнейший тип сознания — никогда не угасала совсем, вопреки авторитетным прогнозам и экспертизам. В истории европейской культуры отчетливо видны так называемые «волны мистики». Есть эпохи, словно безразличные к тайноведению, а есть — буквально зачарованные им. Средневековье, как показал Соловьев, одухотворено ренессансом древней мистики. Возрождение, напротив, тянется к античным постижениям разума. Просветители кичатся интеллектом, романтики в противовес им погружаются в стихию эмоций...

Мистика и наука

В XVI—XVII веках складываются специфические отношения между мистической духовной традицией и научным знанием. Нередко теоретические открытия совершались именно в рамках оккультного (тайного, сокровенного) постижения законов мира. Нередко «мистическое» и «научное» составляли в текстах одного и того же автора нечто нерасторжимое. Создавая астрономию, И. Кеплер находился под сильным влиянием идей о небесном совершенстве, а глава английских розен-

⁴ См. Соловьев В. С. Философские начала цельного знания. В кн. Соловьев Вл. Сочинения в 2-х томах. Т. 2. М., 1988, с. 155.

⁵ Там же, с. 154.

крейцеров Р. Фладд пытался с помощью кругов, треугольников и других геометрических фигур раскрыть божественную гармонию.

Представители Средневековья и Возрождения унаследовали античную идею о созвучности звездного и подлунного миров. Ученый был одновременно и магом, ибо постигал таинственное. Магия же сводилась к поиску божественных истин в сотворенной природе. Мистическая духовная традиция проникла не только в науку, но и в искусство. Нидерландский художник И. Босх создал полотна, содержание которых носит аллегорический, мистический характер. Пытаясь расшифровать его картины, многие современные исследователи на Западе, в частности М. Бергман, указывают на то, что их надлежит рассматривать как произведения герметизма.

Французский историк науки Ж. Гальбронн считает, что астрология служит для Кеплера главенствующей частью его космологии, ибо она представляет собой то самое сочленение, которое соединяет человека с космосом. Астрология, действительно, занимала важное место в научной деятельности одного из основоположников современной астрономии. Он, например, увлекался магией цифр, длительное время основывал свои исследования на гамме, состоящей из семи нот. Однако нельзя забывать, что в период Возрождения и научной революции XVI—XVIII веков исследование сверхъестественного воспринималось как законная сфера естественных наук. Этой точки зрения придерживались И. Кеплер, Н. Коперник, Р. Бойль, И. Ньютон. В той же мере опора на интуицию, фантазийные ресурсы сознания оценивалась как вполне продуктивная дорога к истине...

Математика эпохи Возрождения не просто продолжила разработку геометрии и алгебры, она превратилась в оккультную науку о числе. «Во времени Ньютона,— справедливо отмечает английский физик Д. Бом,— теологи и ученые заключили союз, надеясь таким образом решить свои собственные проблемы»⁶. Действительно, до конца XVII века мистика, теология и наука были тесно связаны между собой. И эта полифоничность вовсе не заключала в себе нечто ущербное, криминальное. Напротив, перекличка традиций позволяла соотносить каждое открытие с духовными установками, что нередко обогащало процесс тотального постижения мира.

Но затем в судьбе науки произошли существенные изменения. Увлеченная теорией эволюции, достижениями механики, она утратила пафос искания изначальной целостности, универсальности бытия. Духовные корни науки оказались отсеченными. Она во многом потеряла метафизическое, нравственное измерение. Созерцательные, интуитивные компоненты познания стали восприниматься как втростепенные.

Но так едка была его пытливость,
И разум вскрыл такие недра недр,
Что самая материя иссякла.
Истаяла под ошупью руки...
От чувственных реальностей осталась
Сомнительная вечность вещества...⁷

Выходит, есть эпохи, когда мистика вытравлена? Философы и писатели отвергают такое предположение. Скажем, Просвещение кажется эпохой Разума, вытеснявшего мистику. Но так ли это на самом деле? С. Цвейг считал, к примеру, что эпоха Просвещения в целом лишена интуиции. Вселенная представлялась просветителям как весьма совершенный, но требующий дальнейшего усовершенствования механизм. Человек же воспринимался как курьезный мыслящий аппарат.

⁶ Б о м Д. Математика — волшебное зеркало ученого. «Новые идеи в философии. Ежегодник Философского общества СССР». М., 1991, с. 121.

⁷ В о л о ш и н Максимилиан. Избранные произведения. М., 1988, с. 300.

Значит ли это, что Просвещение было эпохой разума, вытеснившего мистику? Ничего подобного.

Цвейг пишет о том, что «никогда не был Париж столь жаден до новшеств и суеверий, как в ту начальную пору века Просвещения. Перестав верить в легенды о библейских святых, стали искать для себя новых странных святых и обрели их в шарлатанах — розенкрейцерах, алхимиках и филалетах, толпами притекавших сюда; все неправдоподобное, все идущее наперекор ограниченной школьной науке встречает в скучающем и причесанном по философской моде парижском обществе восторженный прием. Страсть к тайным наукам, к белой и черной магии проникает повсюду, вплоть до высших сфер»⁸.

Итак, можно говорить о мистике как о поиске истины и реальности, которая выходит за пределы чувственной и интеллектуальной сфер. Этот поиск, не опосредованный чувством или разумом, носит характер личной страсти. Он позволяет войти в такие просторы, которые недоступны обычному познанию. Это — непосредственное постижение бытия и смысла всего сущего, включая и наше сознание.

Мистик видит единство там, где обычный взор усматривает лишь многообразие и разобщенность. Мистический опыт — особое состояние сознания (мистическое сознание). Оно в этом значении нечувственно и неинтеллектуально, но способно улавливать изначальное единство всех вещей. В этом океаническом пространстве устраняются различия между индивидом и миром.

8 Цвейг С. Собрание сочинений в 12-ти томах. Т. 6. М., 1956, с. 135.